

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Олегович ШИПОВ¹

Сергей Анатольевич КОМАРОВ²

УДК 821.161.1.09. "18"

ОБРАЗ ЛЬВА В БАСЕННОМ ДЕВЯТИКНИЖИИ И. А. КРЫЛОВА

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
s.o.shipov@yandex.ru

² доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

Аннотация

В статье впервые научной рефлексии подвергается значение метасюжета в книгах басен И. А. Крылова. Метасюжет льва каноничен для басенного жанра и представляет инвариантную модель власти в художественном мире. Цель статьи — выявить и описать метасюжетность как один из значимых факторов книготворческой стратегии Крылова, создававшего басенное девятикнижие в условиях динамичного литературного процесса и смены доминирующих направлений в национальной словесной культуре первой половины XIX в.

Замысел баснописца относительно метасюжета льва раскрывается в горизонтальной сфере мира: возобладании негативных тенденций и трагичном, но закономерном финале персонажа в восьмой и девятой книгах. Авторы статьи рассматривают инфернальное пространство в метасюжете льва как структурную часть моралистического послания,

Цитирование: Шипов С. О. Образ льва в басенном девятикнижии И. А. Крылова / С. О. Шипов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 48-62.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-48-62

диалогически обращенного к персонажу; они фиксируют соотнесенность сюжетного наказания и возникновения пространства ада в девятикнижии.

Реконструкция индивидуального для персонажа ада с учетом его страстей позволяет сделать вывод о неслучайности использования автором inferнального пространства, что в перспективе даст исследователям широкие возможности для аналитики пространства всего метазамысла Крылова. В статье акцентируются хронологические точки актуализации метасюжета в работе баснописца, в частности, 1818-1819 гг., а также перемещаемость им текстов в рамках девятикнижия, что очевидно связано с особым видением им межтекстовой целостности проекта.

Ключевые слова

И. А. Крылов, басенное девятикнижие, метасюжет, образ льва, стратегия книготворчества.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-48-62

Введение

Определение границ текстовых объединений, организуемых метасюжетом, в первую очередь связано с рецептивным фактором читательского сознания. Одним из принципов группировки текстов в книгах басен традиционно становится выделение анималистических, растительных и антропологических образов, а также возможность структурировать нарратив вокруг этого образа. Однако это скорее аналитическая операция, чем способ входа в авторскую сферу организации произведения. Современные работы о метасюжетности позволяют осуществить именно данный переход [8, 11], поэтому они и служат ориентиром методологии нашего исследования.

Образ льва сформировал метасюжет из 19 текстов, входящих в итоговое издание девяти книг басен И. А. Крылова. Формирование метасюжета осуществлялось в контексте активной дискуссии в русской словесной культуре первой трети XIX в. Изменение концепций мира и человека (разумный человек — чувствительный человек — романтический герой) требовало от чуткого к дискурсивным практикам эпохи автора корректировки замысла относительно каждого из микроциклов в рамках глобального макрозамысла девятикнижия.

Метасюжет басенных микроциклов понимается как организованный баснописцем контекст, структурно раскрывающий одну из граней общего замысла девяти книг басен. Выявление подобных метасюжетов видится перспективным в связи с практической неразработанностью аналитики микроциклов творчества Крылова. Начнем с того, что лексема «Лев» является самой частотной в тематической группе «персонажи» в его басенном мире — 83 употребления, что свидетельствует о значимости этого образа в структуре девятикнижия.

Динамика образа обусловлена движением замысла автора, в соответствии с которым один из центральных персонажей в мире басен проходит путь от утверждения в роли «царя зверей» до гибели от собственных страстей.

Обозначим корпус текстов, входящих в львиный цикл: «Лев и Барс» (опубликован во второй книге, написан в 1815 г.; далее будем давать только номер книги

и год: 2, 1815), «Мор зверей» (2, 1809), «Лев и комар» (3, 1809), «Воспитание льва» (3, 1811), «Лев на ловле» (4, 1808), «Мирская сходка» (4, 1816), «Мышь и Крыса» (5, 1816), «Лев и Волк» (5, 1816), «Слон в случае» (5, 1816), «Лев и лисица» (5, 1819), «Лиса-строитель» (5, 1815), «Лисица и Осел» (7, 1825), «Рыбья пляска» (7, 1824), «Пестрые овцы» (7, 1825), «Лев состарившийся» (8, 1825), «Лев, серна и лиса» (8, 1830), «Белка» (8, 1830), «Лев» (8, 1830), «Лев и мышь» (9, 1834). В условно собранный цикл также можно отнести текст «Осел», в котором за львом не закреплено самостоятельной позиции в басенном мире. Он обозначается при перечислении крупных животных, что не является существенным для образа льва, но всё же служит отправной точкой для его дальнейшего обособления.

Результаты и обсуждение

Первый текст «Лев и Барс» был размещен автором во второй книге. Крылов написал данную басню не позднее мая 1815 г. К этому времени уже были написаны и опубликованы несколько басен, где объектом изображения являлся лев. Но именно текст «Лев и Барс» становится первым в цикле, т. к. в нем обрамляется сознание персонажа и конструируется исходная ситуация для развития образа.

Уже в первой строке указывается отдаленность коммуникативного события от референтного: «Когда-то в старину / Лев с Барсом вел предолгую войну...» [4, с. 34]. Создаваемая дистанция между первым и последующими событиями расширяет возможности для динамики образа. В тексте лидирующая роль льва оспаривается другим крупным хищником — барсом. Победа льва в противостоянии не заявляется повествователем открыто, но организованная в сильной позиции басни (морали) точка зрения льва свидетельствует об этом:

«Но только не Осла, Лисицу нарядил
Он от себя для этого разбору,
Промолвя про себя (как видно, знал он свет):
Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет» [4, с. 35].

Словесная масса, относящаяся к речевой характеристике барса, значительно объемнее изображенной речи льва; тем не менее расположение последней в морали позволяет зафиксировать превосходство льва и согласие с этим читателя. Лев не саморазоблачается перед читателем, а утверждает в его сознании царем изображаемого мира.

Повествователем намеренно скрывается физиологический ракурс противостояния, его исход может быть решен путем переговоров. Внимание мирового сообщества в 1815 г. было приковано к Венскому конгрессу, работа которого была завершена подписанием заключительного акта в начале июня, что определило послевоенное устройство Европы. Это была первая попытка ведущих мировых держав путем инклюзивного диалога разрешить территориальные споры и выстроить систему коллективной безопасности. Вполне вероятно, что одно из главных событий девятнадцатого столетия не осталось без внимания русского баснописца и нашло отклик в тексте «Лев и Барс», где также после

длительной войны в атмосфере недоверия предпринимаются попытки договориться о мире.

Уже в следующем тексте «Мор зверей» позиция льва в басенном мире не оспаривается, а безальтернативно признается всеми участниками референтного события: «В сем горе на совет зверей сзывает Лев. / Тащатся шаг за шаг, чуть держатся в них души. / Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев...» [4, с. 36].

Сакральная ситуация жертвоприношения раскрывает мироощущение льва, в котором смерть неразрывно связана с жизнью, а жертвенность является началом новой жизни. Дохристианское сознание связывает жертвоприношение с искуплением грехов, спасением, разрешением кризисной ситуации. Повествователь конструирует инфернальное пространство на земле:

«В ад распахнулись настезь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор:
Везде разметаны ее свирепства жертвы:
Неумолимая, как сено косит их...» [4, с. 36].

Лидирующая роль льва признается крупными хищниками и не подлежит сомнению даже в условиях «гнева богов». Речевой сегмент льва раскрывает его отрефлексированное восприятие событий в мире. Впервые в структуре девятикнижия в речевой характеристике персонажа заявляется мотив покаяния:

«Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль неволью.
Покаемся, мои друзья!» [4, с. 36].

Лев предлагает концепцию мира, в котором священная жертва способна искупить все грехи и смягчить гнев богов. Но первая попытка покаяния трансформировалась в коллективное судилище, итог которого зафиксирован в морали: «Кто посмирней, так тот и виноват» [4, с. 38].

Сюжет басни восходит к рассказу проповедника Ролена, из писем и проповедей его Лафонтен заимствовал основу для своих басен. Рассказ проповедника обличал своеволие представителей католической церкви. Лев исповедовал животных и прощал тяжкие грехи хищников, но более мелкие прегрешения осла не простил и приговорил его к бичеванию. В тексте Крылова исчезает этот обличительный контекст, направленный против церкви. Введение в структуру текста подобных ракурсов могло быть неоднозначно воспринято литературным сообществом и цензурой. Внимание читателя фокусируется именно на ложном покаянии — первом грехе львиного цикла.

В третьем тексте «Лев и комар» впервые обнажаются свойственные льву пороки: гордыня и высокомерие. С заданного повествователем ракурса читателю открывается взаимосвязь смертных грехов и уязвимости героя. В динамике развития образа эти грехи окажутся губительными для льва. Данный сюжет разрабатывался Эзопом и Лафонтеном, в русской басенной традиции известен текст И. И. Дмитриева. В баснях Эзопа и Лафонтена содержится нравоучение не только для льва, но и для комара, попавшего в паучьи сети после триумфальной

победы над хищником. В тексте Дмитриева же лев погибает от собственных когтей. Крылов оставил льва живым и структурно упростил текст, исключив второе нравоучение. Смерть льва в противостоянии с комаром выглядит ненатурально и подрывает доверие читателя к повествователю. Моралистическое послание крыловской басни не заставляет переосмыслить победу «бессильного», а утверждается в повествовании. Моралистическая часть гармонически сопряжена с основной и продуцирует тесные связи в художественном целом.

Следующая басня «Воспитание Льва», написанная до 1811 г., по мнению современников Крылова, содержит аллюзию на воспитание или императора Александра, или же его одного из ближайших советников по реформированию государственного строя В. П. Кочубея. Данный текст — один из самых объемных не только в цикле, но и во всех девяти книгах басен. Словесная масса, насыщенность и масштабность образов, протяженность действия во времени, панорамность изображенного мира, а также включенность исторического контекста могут являться своеобразными маяками для внимательного читателя. Уже в третьей книге девятикнижия и четвертом тексте цикла предопределяется судьба наземного басенного мира. В контексте активной полемики современников о правильности решения поручить воспитание будущего императора Александра швейцарцу Лагарпу можно предположить, что Крылов в басне дал свое толкование проблем, связанных с государственными преобразованиями.

Образ льва в тексте эмоционально подсвечен повествователем. Впервые в девятикнижии укрупняется именно чувствительность льва относительно своего потомства, что выражается как в общей заботе о наследнике, так и в действиях, в частности, в строке: «Сынка целует, обнимает» [4, с. 71]. Такой ракурс изображения льва становится в какой-то степени уникальным, т. к. с новых позиций осмысляются характерные для крупного и страстного хищника пороки, такие как тщеславие и гордыня. Это проявляется в следующих строках:

«...Чтобы сына не вежей не оставить,
В нем царску честь не уронить,
И чтоб, когда сынку придется царством править,
Не стал бы за сына народ отца бранить» [4, с. 70].

Организованная повествователем точка зрения льва содержит характеристику зверей, ни один из которых не оказался достоин воспитывать львенка. Стоит отметить, что в его рассуждениях также заключены требования к будущему царю:

«...Да Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин» [4, с. 71].

Единственная речевая характеристика львенка становится его программной речью, в ней он обещает научить зверей вить гнезда. Напомним, что лев выбрал в качестве достойного воспитателя царя небесной сферы — орла. Точка зрения царя-льва насчет подходящего воспитателя с позиции его высокого социального статуса разрушается.

Текст «Лев на ловле» обнажает страстную и хищную натуру персонажа. Басня написана не позднее февраля 1808 г. и впервые была опубликована под названием «Лев, Собака, Лисица и Волк». Повествователь намеренно не использует номинацию «царь зверей», позволяя состояться договору между всеми участниками события: «Собака, Лев, да Волк с Лисой / В соседстве как-то жили». Иллюзия равенства стала основой договора о распределении добычи. Текст отличается сменой универсальных характеристик персонажей басен, согласно им лиса выступает в роли лгуни, хитростью и лестью добиваясь выгоды для себя. В данном случае все социальные роли и универсальные характеристики не закрепляются повествователем, т. к. данное решение создавало бы риски его согласия с точкой зрения, организованной посредством речевой характеристики льва:

«...Смотрите же, друзья: вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет» [4, с. 96].

Мораль в басне не выражается эксплицитно, не содержит нравоучений для льва, а провозглашает опасность как для него, так и для остальных участников этого договора. Лев злоупотребляет силой и объявляет ее верховенство среди законов природы, что со временем погубит его. Собака, Волк и Лисица наказаны за желание заключить заведомо неравный союз с крупным и властным хищником. Действия Льва не могут осуждаться читателем, т. к. вполне соответствуют его статусу в естественной среде обитания.

Сюжет разрабатывался Эзопом, Федром, Лафонтеном, Сумароковым, Хемницером и др. Но именно у Крылова при всей ее изящности и поэтической стройности басня сохраняет естественность и натуралистичность повествования. В басне Лафонтена персонажами становятся теленок, коза и овца, что выглядит противоестественно: хищник заключает союз с потенциальными жертвами и должен делить с ними добычу. У всех авторов лев в данном сюжете выступает судьей (как мы помним по тексту «Воспитание льва», это одна из обязанностей «царя зверей»). Он судит в соответствии с единственным действующим правом для хищника — власть принадлежит сильному, — а не как справедливый и разумный правитель звериного царства, в этом одна из трагических ошибок льва.

Следующий текст «Мирская сходка» с момента публикации в 1816 г. не подвергался авторской редакции, что является редкостью для Крылова. Повествователем в нем убедительно конструируется антиутопическая система правовых отношений в России в период преобразований и роли в ней императора. Образ льва последовательно дополняется автором в аспектах уже утвержденных в басне «Воспитание льва» функций «царя зверей»: быть судьей, министром и воином. Решения льва, провоцирующие хаос и несправедливость, наслаиваются друг на друга. Можно предположить, что в соответствии с внутренним заданием баснописца относительно данного цикла создается эффект возобладания негативных тенденций в изображаемом мире.

Композиционно «Мирская сходка» при малой словесной массе членится на три части: универсальная мораль (первые четыре строки), основная часть, ситуативно подтверждающая мораль (с 5 по 17 строки), и частное нравоучение для льва (заключительные четыре строки). Нравоучение для льва отличается от остального текста наличием вопросительной и восклицательной интонации, что может свидетельствовать о ритмическом и эмоциональном пике в этом сегменте текста. Повествователь фиксирует разумное начинание льва в виде открытого обсуждения кандидатуры волка на пост «овечьей старосты», но подчеркнуто эмоционально досадует, что голос овец при этом не учитывался: «На сходке ведь они уж, верно, были? / Вот то-то нет! Овец-то и забыли! / А их-то бы всего нужней спросить» [4, с. 100].

В тексте «Мышь и Крыса» лев не является объектом изображения, а упоминается в прямой речи персонажей. Данную басню можно было не учитывать, если бы не одна существенная деталь: мышь в качестве актанта наличествует в последнем тексте цикла. Нельзя говорить о сколько бы значимой организованной точке зрения в диалоге мыши и крысы, но повествователь разделяет их в морали, подвергая абсурдное суждение крысы о победе кошки в противостоянии со львом ироничной интерпретации.

Басня «Лев и волк» существенно расширяет ценностные характеристики льва за счет автопортрета его инстинктов. Повествование выводит на первый план бессознательные инстинктивные действия льва, мотивировка которых закреплена как в изображенной, так и в изображающей речи. Дистанция между повествователем и львом нивелируется за счет нескольких решений при организации текста. Ключевым фактором становится размещение речевой характеристики персонажа в морали, что безапелляционно утверждает его авторитет не только в художественном пространстве, но и за его пределами. Также существенным представляется тот факт, что прямая речь льва содержит уже озвученную ранее позицию повествователя, объясняющего причины поступка льва по отношению к собачке, которая осталась безнаказанной за то, что «урвала кусочек» с царского стола.

Сравним речь изображающую («И царь зверей то снес, не огорчась нимало: / Она глупа еще и молода была») и изображенную («Дружок, / Напрасно, смотря на собачку, / Ты вздумал, что тебе я также дам потачку: / Она еще глупа, а ты уж не щенок!») [4, с. 113]. Интеграция точек зрения авторитетного повествователя и персонажа укрепляет позиции льва в художественном мире. Появившиеся в предыдущем тексте цикла сомнения в силе льва убедительно разрушаются при первом же столкновении с царем зверей. В ситуации естественного жизнеповедения льва как хищника, и в то же время как мудрого и благородного правителя звериного царства, прощающего неразумных и твердо удерживающего власть от посягательств со стороны других хищников, повествователь фиксирует единство сознательного и бессознательного в образе льва.

В тексте «Лев и Лисица» при сверхмалой словесной массе (восемь строк, две из которых обособлены автором в морали) лексема «Лев» используется трижды и является самой частотной. Но обращенность повествователя к созна-

нию лисы, в котором за львом как априорное знание закреплен статус страшного хищника, фокусирует внимание читателя именно на динамике изменений в восприятии льва представителями животного мира. При этом характерно, что опыт разрушает априорное знание. В границах художественного мира Крылова подобная динамика создает риски для авторитета льва и может сигнализировать о наметившемся в условном цикле сломе. Первичность априорных идей, чувственного или эмпирического методов познания в контексте общей гуманитарной дискуссии в русском обществе первой трети XIX в. с новой силой рефлексировались поэтом в баснях.

Текст «Лиса-строитель» впервые опубликован в 1816 г. В нем отсутствует нравоучительное заключение, обнаруженное исследователями в рукописном варианте: «Как этот курятный построен двор, / Так в свете не один подписан договор, / И даже приговор» [4, с. 465]. Мораль басни, очевидно, конструирует дополнительный исторический контекст. Но установить его не представляется возможным, т. к. невозможно указать даже примерные сроки написания басни. Относительно метасюжета льва данный текст усиливает возобладание негативных тенденций в художественном мире. Хаос и беззаконие торжествуют вследствие неразумных и нерациональных решений правителя звериного царства. Лев оказывается неспособен реализовать одну из функций царя зверей, провозглашенных им самим в требованиях к воспитанию наследника («Воспитание льва») — быть судьей и министром. Действия лисы не могут осуждаться ни повествователем, ни читателем, т. к. ее поступки, во-первых, всецело соположены с эмблематичностью образа. Во-вторых, в границах цикла одно из первых столкновений лисы со львом («Лев на ловле») закончилось обманом со стороны царя зверей, злоупотребившего властью и силой. Поэтому уже в последующих текстах, где в качестве актантов вновь выступают лев и лиса, повествователем гармонизируется и уравнивается незримое противостояние хищников, исход которого будет предreshen в заключительных текстах цикла.

По свидетельству современников, Крылов приблизительно в 1818-1819 гг. выучил греческий язык и свободно обращался к оригиналам античных басенных сюжетов. Внимание русского баснописца к античной литературе именно в этот период коррелирует с активной полемикой в русском обществе о гекзаметре, которая, очевидно, вышла за пределы литературной дискуссии и охватила круг вопросов о самоидентификации русского народа, положении русской культуры и возможных путей ее развития. Активным участником этой дискуссии был С. С. Уваров, чья речь на открытии кафедр истории и восточных языков в Петербургском педагогическом университете стала одним из главных событий в русской культуре первой четверти XIX века. М. Л. Майофис выделяет в данной речи несколько моделей для национальной самоидентификации:

- «1) Русский народ — родственник германских народов (линия заимствования «Карамзин — Монтескье — мадам де Сталь»);
- 2) Россия — новый Египет (идея Гете и Фр. Мейера);

3) Русская культура и государственность типологически сходны с древнеримской, следовательно, русская литература — наследница древнегреческой (идея русского филэллинизма и самого Уварова);

4) И — заключительное звено — русская культура должна взаимодействовать с немецкой как с лучшим интерпретатором античности» [5, с. 441].

С 1818 г. в условно собранном львином цикле у Крылова появились следующие тексты: «Лев и Лисица», «Лисица и Осел», «Рыбья пляска», «Лев состарившийся», «Пестрые овцы», «Лев, Серна и Лиса», «Белка», «Лев», «Лев и Мышь». Почти во всех текстах этого периода повествователем конкретизируются риски для авторитета и статуса льва в басенном мире. Дискредитация одного из главных символов сильной власти, центрального зооморфного образа в Библии, допустима в басенной жанровой структуре с учетом амбивалентности изображения и восприятия льва, но всё же несет существенные риски для баснописца в диалоге с читателем.

В басне «Лисица и Осел» окончательно материализуется идея падения льва как царя зверей. Стоит отметить, что данная басня представляет собой первую часть диптиха, его второй частью можно назвать басню «Лев состарившийся». Разделение сюжета на два текста позволило изобразить событие (беспомощность и старость льва) в двух ракурсах, организовав две точки зрения: беспомощного льва и остальных зверей. В каждом из двух текстов содержится моралистическое послание, обращенное к соответствующему типу сознания. Обе басни созданы Крыловым не позднее 1823 г.

Примечательно, что текст «Лисица и Осел» написан на обороте листа с первой редакцией басни «Лев состарившийся», но при этом опубликованы в разных книгах: седьмой и восьмой соответственно. Подобное решение автора может быть мотивировано внутренней целостностью восьмой и девятой книг басен как финального этапа формирования замысла девятикнижия, его композицией. Также это может свидетельствовать о понимании баснописцем ограниченности концепции мира и человека определенной эпохи, обострением проблемы идеала как нормы и перспективы жизни.

В цепочке кадронесущих фрагментов текста «Лев состарившийся» эмоционально подсвечивается последний эпизод:

«„О, боги!“ возопил, стелая, Лев тогда:
„Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла:
Всё легче, чем терпеть обиды от осла“» [4, с. 176].

Потеряв способность поддерживать власть силой, лев пожинает плоды своего царствования, в ходе которого он злоупотреблял силой. Опора на философию, манифестирующую право сильного, стала роковой ошибкой льва, стремительно теряющего авторитет при жизни и при первых же проявлениях слабости ощутившего истинное отношение к себе зверей.

Смерть в сознании льва связана с избавлением от мучений, которые он испытывает от собственного бессилия. Стоит отметить также замкнутость пространства смерти (пещера), в котором пребывает герой. В мифологическом сознании пещера обладает семантикой средоточия мира, центра вселенной, места встречи Бога с человеком. Это одновременно место погребения и воскрешения. Статус льва позволяет ему пребывать в этом пространстве, но уединенность сознания и связь с потусторонним разрывается по причине тяготеющих его грехов. Можно предположить, что в тексте кристаллизуется концепция ада для льва, который обречен на вечные истязания со стороны жертв его притеснений.

В тексте «Лисица и Осел» повествователь организовал точку зрения зверей, сфокусировав внимание читателя на диалоге, где разоблачается осел. Укрупнение самого разрушительного и унижительного для льва фрагмента в первой части диптиха позволяет извлечь нравоучение для каждого участника в сюжетной схеме. Композиционное членение на две части дало возможность баснописцу сохранить объективность повествования, поочередно сменяя на первом плане рефлексирующий тип сознания (лев — звери). Также за счет разделения сюжета на две части Крылов создает эффект проективности диалога. Читатель получает возможность интерпретировать «объемное изображение», проникая в границы каждой из проекций.

Между текстами «Лисица и Осел» и «Лев состарившийся» возникает ощущение разорванности в связи с их размещением автором в разных книгах. Даже в рамках цикла они отделены друг от друга баснями «Рыбьи пляски» и «Пестрые овцы»; значение последних, очевидно, усиливается, т. к. они образуют смысловую дистанцию, преодолев которую читатель должен достичь согласия с повествователем относительно меняющегося статуса льва.

В этих текстах, размещенных в седьмой книге, лев окончательно разоблачается в глазах читателя и сохраняет лишь априорные функции правителя звериного царства. Страсти ослепляют льва и с его позволения погружают в хаос установленный природой миропорядок. Басня «Рыбьи пляски» однозначно интерпретируется исследователями как аллюзия на путешествие императора Александра I по России. Существенна для метасюжета льва первоначальная редакция басни, вследствие требований цензуры значительно измененная Крыловым. В первоначальной редакции моралистическое послание обращено ко льву, ослепленному лестью со стороны второго участника референтного события. Текст «Пестрые овцы» демонстрирует согласие льва с эмблематичностью его правления в зверином царстве и подчеркивает деспотичность и тщеславность персонажа. Откровенность и обнаженность сознания льва необходима повествователю для его разоблачения в глазах читателя.

В тексте «Лев, Серна и Лиса», размещенном автором в восьмой книге после басни «Лев состарившийся», объектом изображения становятся пороки льва (самолюбие, гордыня, алчность), что приводят его к гибели. Крыловым моделируется ситуация грехопадения персонажа в кульминационный момент — искушение и возобладание страстей над разумом. В роли искушителя выступает лиса, умело играющая на пороках грешника и призывающая его последовать за стра-

стями. Овраг в художественной реальности басни является низовым пространством мертвых, где персонажи меняют свой статус: лев становится жертвой, а лиса — хищником, который натуралистично «друга до гостей оглодал» [4, с. 177]. Моралистичность достигается за счет физиологизации финала. Смерть льва с учетом динамики метасюжета цикла воспринимается читателем как закономерное развитие событий.

Текст «Лев» в художественной реальности хронологически предваряет басню «Лев состарившийся» и изображает один из последних эпизодов жизни льва в его привычном статусе. Устойчивая тенденция к негативным процессам в царстве зверей усугубляется старостью льва и, очевидно, его неспособностью удерживать власть. Внутри цикла можно выделить группу текстов, объединенных мотивами смерти льва, его старости и беспомощности, их плотность и сконцентрированность утверждает новый доминирующий ракурс видения: «Лисица и Осел» (7 книга), «Лев состарившийся» (8 книга), «Лев Серна и Лиса» (8 книга), «Лев» (8 книга).

В издании басен Крылова в восьми книгах 1837 г. данные тексты располагались следующим образом: «Лисица и Осел» (4 книга), «Лев состарившийся» (6 книга), «Лев, Серна и Лиса» (7 книга), «Лев» (8 книга). Перемещение этих текстов между книгами в итоговом издании басен сигнализирует о внутренней целостности седьмой и восьмой книг, где кристаллизуется замысел автора относительно львиного цикла, его метасюжета. Вероятно, подготовка седьмой и восьмой книг басен осуществлялась Крыловым уже в рамках определенной книготворческой стратегии.

В последнем тексте цикла «Лев и Мышь», размещенном автором в девятой книге басен, задается трагический ракурс жизни. Здесь крупный, гордый, властный хищник оказывается повержен силой своих же страстей и становится зрелищем в клетке для людей:

«Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но всё добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезен» [4, с. 202].

Характерно, что впервые в структуре цикла материализуется именно христианская идея покаяния льва, выраженная в речи всезнающего повествователя, проникающего в границы сознания персонажа:

«Про мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от ее зубов не уцелела,
И что его своя кичливость съела» [4, с. 203].

Лишение льва статуса «царя зверей» подчиняется общему замыслу цикла, его метасюжета.

Заключение

Авторитет льва с развитием негативных факторов в художественном мире поддается. Львиный цикл как одна из граней замысла девятикнижия к восьмой

книге окончательно фиксирует неизбежность мучительной гибели грешника независимо от его статуса. Убедительность выводов баснописца достигается за счет реконструкции кругов ада в художественном мире, соотнесенных со страстями его жителей. Выделение конкретных кругов как части полноценного пространства ада возможно за счет разделения пороков и соответствующих им сюжетных наказаний.

Относительно льва описание inferнального пространства может выглядеть так: грешник находится в закрытом пространстве без шансов вырваться из него, раздираемый животными и терпящий унижения от тех, кто при жизни «не смел поднять и взгляд» («Лисица и Осел», «Лев состарившийся»), или выставляемый в клетке на потеху людям («Лев и мышь»), или «обглоданным до костей сердечным другом» («Лев, Серна и Лиса»). В заданных параметрах ада наиболее уязвим свободолюбивый горделивый хищник, мыслящий себя царем зверей.

В этой связи стоит отметить неразрешенность вопроса о соотнесенности сюжетного наказания и возникновения пространства ада в басенном девятикнижии. В метасюжете льва пространство ада наличествует как структурная часть моралистического послания, возникающего за счет физиологизации финала. Таким образом, реконструкция inferнального пространства имеет смысл не в отдельных текстах, а в более крупных целостных ансамблях.

М. Л. Гаспаров, исследуя античную басню, выделял структурные и свободные образы (мотивы) в зависимости от их количественных и качественных параметров. Структурный образ (мотив) органически наличествует в сюжетной схеме, раскрывая одну из граней общего замысла. Если же свободный образ (мотив) изъять из сюжета, то он не лишится стройности и целостности. В частности, при анализе образов и мотивов басен Федра и Бабрия, Гаспаров формулирует: «об индивидуализации басенных персонажей говорить не приходится: это лишь условные носители отвлеченных качеств» [1, с. 101].

Образ льва, несомненно, можно назвать структурным образованием для метахудожественной целостности девяти книг басен Крылова. Он исключает возможность ситуативного применения образа льва в художественной реальности. Каждый текст цикла, где лев становится объектом изображения, детализирует характерные черты персонажа в универсальных сюжетных схемах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня / М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1971. 279 с.
2. Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / В. Ф. Кеневич. Тобольск: Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2019. 472 с.
3. Комаров С. А. Филологический анализ стихотворного текста : учебное пособие / С. А. Комаров, А. И. Осипов. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2018. 132 с.

4. Крылов И. А. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / Под ред. Д. Д. Благого. Москва: Гос. издат. худож. лит., 1946. 620 с.
5. Майофис М. Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов / М. Л. Майофис. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
6. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика / О. В. Мирошникова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 338 с.
7. Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество / Н. Л. Степанов. М.: Гос. издат. худож. лит., 1958. 468 с.
8. Тюпа В. И. Парадигмальный археосюжет в текстах Пушкина / В. И. Тюпа // *Ars interpretandi*. Сборник статей к 75-летию профессора Ю. Н. Чумакова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 108-120.
9. Федоров В. В. О природе поэтической реальности / В. В. Федоров. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.
10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; Подгот. текста, общ. ред. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
11. Чижов Н. С. Метасюжет возвращения в поэзии Ивана Жданова / Н. С. Чижов, С. А. Комаров // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2016. Том 2. № 4. С. 100-112. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112

Sergey O. SHIPOV¹
Sergey A. KOMAROV²

UDC 821.161.1.09.“18”

**THE IMAGE OF A LION IN THE NINE VOLUMES OF FABLES
BY I. A. KRYLOV**

¹ Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
s.o.shipov@yandex.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4506-4027

Abstract

This article presents, for the first time, the meaning of the metaplot in the books of fables by I. A. Krylov. The metaplot of a lion is canonical for the fable genre and represents an invariant model of power in the fictional world. The purpose of this article is to identify and describe the metaplot as one of the significant factors of Krylov's literary strategy, as he created the nine volumes of fables during a dynamic literary process and change in the dominant trends in the national verbal culture of the first half of the 19th century.

The idea of the fabulist regarding the lion's metaplot is revealed in the horizontal sphere of the world, the prevalence of negative tendencies and the tragic, but natural ending of the character in the eighth and ninth books. The authors of this article consider the infernal space in the metaplot of a lion as a structural part of a moralistic message, dialogically addressed to the character; they fix the correlation between the plot punishment and the emergence of the space of hell in the nine-book.

Reconstruction of the character's individual hell, taking into account his passions, shows that Krylov's use of infernal space is not accidental, which in the future will give researchers

Citation: Shipov S. O., Komarov S. A. 2020. "The Image of a Lion in the Nine Volumes of Fables by I. A. Krylov". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 4 (24), pp. 48-62.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-48-62

ample opportunities for analyzing the space of his entire meta-concept. This article focuses on the chronological points of actualization of the metaplot in the work of the fabulist, in particular, in 1818-1819, as well as his transferability of the texts within the framework of the nine books, which is obviously connected with his special vision of the intertextual integrity of the project.

Keywords

I. A. Krylov, nine volumes of fables, metaplot, lion image, book-making strategy.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-48-62

REFERENCES

1. Gasparov M. L. 1971. *Antique Literary Fable*. Moscow: Nauka. 279 pp. [In Russian]
2. Kenevich V. F. 2019. *Bibliographic and Historical Notes to Krylov's Fables*. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska. 472 pp. [In Russian]
3. Komarov S. A. 2018. *Philological Analyses of the Poetic Text: A Textbook*. Tyumen: UTMN Publishing House. 132 pp. [In Russian]
4. Krylov I. A. 1946. *Complete Works in 3 vols. Vol. 3. Fables. Poems. Letters*. Edited by D. D. Blagoy. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvi khudozhestvennoy literatury. 620 pp. [In Russian]
5. Maiofis M. L. 2008. *Appeal to Europe: The Literary Society "Arzamas" and the Russian Modernization Project of 1815-1818*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 800 pp. [In Russian]
6. Miroshnikova O. V. 2004. *The Final Book in Poetry of the Last Third of the 19th Century: Architectonics and Genre Dynamics*. Omsk: Izd-vo OmGU. 338 pp. [In Russian]
7. Stepanov N. L. 1958. *I. A. Krylov. Life and Creation*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvi khudozhestvennoy literatury. 468 pp. [In Russian]
8. Tyupa V. I. "1997. Paradigmatic archeological plot in Pushkin's texts". In: *Ars interpretandi. Collection of Articles to the 75th Anniversary of Prof. Yu. N. Chumakov*, pp. 108-120. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. [In Russian]
9. Fedorov V. V. 1984. *About the Nature of Poetic Reality*. Moscow: Sovetskij pisatel. 184 pp. [In Russian]
10. Frejdenberg O. M. 1997. *Poetics of Plot and Genre*. Edited by N. V. Braginskaya. Moscow: Labirint. 445 pp. [In Russian]
11. Chizhov N. S., Komarov S. A. 2016. "The metaplot of return in Ivan Zhdanov's poetry". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 2, no. 4, pp. 100-112. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112